

КУЛЬТУРА

КОНКУРСЫ, ФЕСТИВАЛИ

Музыка. - 1994 - 18 июня - с. 7. В СКРИПИЧНОМ КЛЮЧЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Учитель, воспитай...

Почти перед самым открытием Конкурса скрипачка Ирине Бочковой, члену жюри, пришлось взять на себя обязанности его председателя. И такие вот случаются неожиданности...

деюсь, что и объективные тоже. Что касается Виктора Викторовича, то ничего из ряда вон выходящего в его опоздании не вижу. Если жюри состоит из концентрирующих музыкантов, такое всегда может случиться.

— Как вы оцениваете общий уровень участников и, в частности, нашей, российской «команды»? — Наши участники хорошо подготовлены. Да и вообще уровень довольно высок. Отбирая кандидатуры, мы постарались исключить заведомо слабых претендентов.

— А по какому принципу осуществлялся отбор? — Без кассет, только по документам, конечно, точного представления не составишь,

на Конкурсе Чайковского!

— Конечно. 62-й год, II конкурс. Я была студенткой V курса Московской консерватории и, как мне казалось, не самой лучшей. О конкурсе я вовсе не мечтала и готовности к нему не чувствовала, хотя и завоевала I премию на предшествовавшем ему всесоюзном. Юрий Исаевич Янкелевич, мой педагог, однако, рассудил иначе. И я не только участвовала, но и получила II премию. С одной стороны, меня это удивило — я слушала других конкурсантов, многими восхищалась, и снова мне представлялось, что я далеко не лучшая. С оркестром опять же играла впервые. (Мои студенты, например, играли уже раз по 30—40). С другой, я спокойно отнеслась к своему успеху (хотя очень радовалась, разумеется), потому что восприняла конкурс как очередной этап своей повседневной работы. Впрочем, когда выступала, естественно, очень волновалась и хотела сыграть как можно лучше. Еще бы — какие замечательные музыканты были в жюри, и возглавлял его сам Давид Ойстрах! Мое лауреатство не осталось без «последствий» — у меня появились концерты. Впрочем, концертывала я немного.

— Почему? — Рано начала преподавать. Мне было жаль и стыдно долго оставлять своих студентов, и я отказывалась от длительных гастролейных поездок. Короче говоря, педагог во мне возобладал.

— А слушая конкурсантов, вы оцениваете их как педагог или все-таки как коллеги?

— И так, и так. Талант захватывает меня, вызывает уважение и восхищение, но если что-то нуждается в исправлении, доработке, я всегда это отмечу. Я очень люблю свою работу, и, по-моему, она отвечает мне тем же. Мои студенты в консерватории, мои ученики в ЦМШ играют гораздо лучше, чем я в их годы. Это ли не радость для учителя?

...И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Многие конкурсанты — новички на концертной эстраде. И с некоторыми из них мы знакомы не только по буклетам и первому конкурсному прослушиванию. Взяв, к примеру, скрипачей. (Что касается пианистов, то мы решили ограничиться обзором первого тура. А виолончель «возьмем» уже в следующем раунде). Неоднократно, например, выступала с симфоническими оркестрами в Большом зале Московской консерватории (и в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии) Анастасия Чеботарева. Слышали мы в БЗК и нашего участника Назара Кожухаря. Назар на конкурсе привлек к себе внимание, помимо всего прочего, еще и тем, что сыграл сонату Моцарта в сопровождении молоточкового, как во времена Моцарта, фортепиано. Не каждому такое придет в голову, то есть лишь ему одному и пришлось!

Знакомые лица, впрочем, встречаются не только среди наших конкурсантов. Скрипачку из Норвегии Биргит Стернс, например (в этих заметках, естественно, все — «напрямик», ибо каждого упомянуть невозможно), вы могли слышать на фестивале музыки Эдварда Грига, состоявшемся в Москве в прошлом году.

Люси Холл (Канада) приезжает к нам уже в пятый раз. В основном она участвовала в показательных концертах учеников Доры Шварцберг, ныне, как известно, профессора Венской академии музыки и почетного гостя X конкурса. Люси здорово говорит по-русски. («Как вы выучили язык?» — «Сама не знаю. Слушала-слушала, как разговаривает мой педагог, и вдруг сама заговорила. А что — слух-то у меня хороший!» Да, и слух хороший, и подготовка неплохая.

Что касается семнадцатилетней Дженифер Кох (США), то она и вовсе любимица нашей публики. Мы «открыли» ее в 1992 году на Юношеском конкурсе имени Чайковского. по-

бедителем которого она и стала. Андрей Эшпай посвятил ей свой Четвертый концерт для скрипки с оркестром, и, разумеется, Дженифер была первой исполнительницей. Потом она еще раз выступила в Москве — сыграла Концерт Чайковского (Чайковский — любимей ее композитор) с оркестром телерадиокомпании «Останкино» в Большом зале консерватории, а потом еще и на фестивале в Самаре. Юный лауреат многочисленных премий, однако, ни о каких премиях не помышляет. «Я так люблю выступать, что вообще всякий раз забываю о том, что играю на конкурсе». Редкая и прекрасная забывчивость, не правда ли?

С участницей из Китая Ян Чан мы ранее не встречались. А у нее, кстати, это первый конкурсный опыт. И начался он с того, что Ян вытаскила первый номер на жеребьевке. Вот уж этого она никак не ожидала — вскрикнула, всплеснула руками... Комический ужас «на публике» сменился перед выступлением настоящим волнением. «Я прилетела в субботу, а в понедельник надо выступать. Все произошло так стремительно! Утром я не могла куска проглотить, а ночью еле «уговорила» себя заснуть. Первый в жизни конкурс — ведь не шутка, а если это еще и конкурс Чайковского...» Облегчение, наступившее после того, как программа была сыграна, быстро сменилось разочарованием. Она была уверена, что результат будет известен в тот же день. Но, оказывается, теперь-то как раз и приходится ждать. Ждать и вновь волноваться...

Конечно, всем им не до шуток, все они страшно волнуется. И чем дальше, тем больше. Вот-вот вспыхнет волнение и в публике. Ведь на первом туре все только делают свой выбор, определяют любимцев, а потом уже начинают переживать за них — не подкачают ли? Скоро узнаем.

В VIII Конкурсе Чайковского, состоявшемся в 86-м году, принимала участие скрипачка из Австралии Джейн Питерс. Она произвела впечатление на жюри, присудившее ей III премию, и стала любимицей публики. А наша газета наградила ее призом «Надежда» — тремя «веселыми» дымокскими игрушками — «за творческий поиск и артистизм». Джейн Питерс надежды оправдала — гастролируя по всему свету, выступая с известными оркестрами, она завоевала прочное международное признание. Не забыли ее и наши меломаны — говорят, в Москве даже существует клуб поклонников Джейн Питерс.

На этом конкурсе мы решили возобновить с ней знакомство. Тем более что помимо особенного нашего пристрастия, есть и еще одна причина: она — самый молодой из всех членов жюри.

— Госпожа Питерс, когда вы сами играли на конкурсе, могло ли вам прийти в голову, что спустя несколько лет вы окажетесь в его жюри!

— Даже получив год назад приглашение, я и то страшно удивилась. Очень растрогалась и, разумеется, сразу решила ответить «да». Быть судьей на международном состязании мне до сих пор еще не приходилось, так что у меня своеобразный дебют.

— В восемь лет вы дали свой первый сольный концерт, в тридцать один год стали членом жюри Конкурса Чайковского...

— Вы хотите сказать, что ко мне все приходит очень рано? Мне так не кажется. Но достаточно ли я зрелый человек и музыкант, чтобы иметь право высказывать суждения о своих молодых коллегах? Думаю, что да. Ведь вся моя жизнь прошла «со скрипкой в руках». И

что продемонстрировал, например, последний конкурс имени М. Лонг и Ж. Тибо, — участники были довольно слабые. Даже если в заявке указана первая или вторая премия, это еще ни о чем не говорит, потому что конкурсы бывают разные, в том числе и очень «мелкие», незначительные. В то же время пятая или шестая премия, полученная на крупном конкурсе, тоже не является свидетельством выдающегося таланта. Так что, помимо документов, мы обращали внимание и на рекомендации больших музыкантов, бывших наших педагогов, ныне работающих за рубежом. А еще мы хотели, чтобы конкурс был «молодым».

— Вспоминаете ли вы сейчас свое собственное выступление

серьезно — слушая конкурсантов, ни о чем постороннем не думаю, в том числе и о своем возрасте.

— А как отразился конкурс на вашей судьбе? Сыграл ли свою роль в успешном начале вашей карьеры?

— Двадцать четыре года, кстати, совсем не мало для начала карьеры. Впрочем, карьера началась значительно раньше. Но удачное выступление в Москве, безусловно, стало некоей отправной точкой для дальнейшего творческого роста. Премия, присужденная на Конкурсе Чайковского, очень авторитетно во всем мире, свидетельствует об исключи-

тельно разумный рецепт. И очень важно помнить, что молодые годы предназначены не столько для триумфов, сколько для учебы. Без нее триумфов не будет...

— Почему вы решили оставить Австралию!

— Она, знаете ли, очень далеко. Музыка заставила оторваться от родных корней. Совершать гастрольные путешествия из Австралии не только утомительно, но и в финансовом отношении непросто. Другое дело — Париж, где я сейчас живу.

— Ваши музыкальные пристрастия!

— Все больше и больше начинаю любить современную музыку. Например, Кенякиса, Лигети. Она многое говорит о нашей жизни.

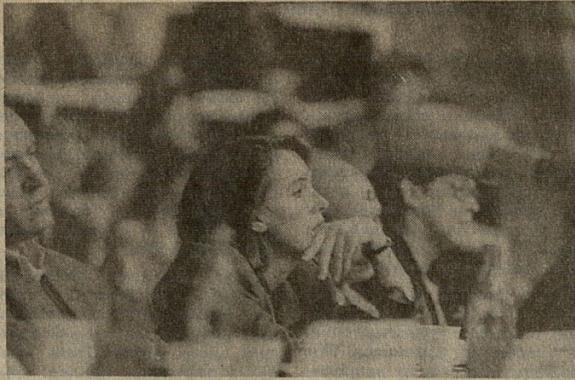
— Помните ли вы игрушки, которые были вам преподнесены в качестве специального приза нашей газеты!

— Это самый печальный, самый неприятный вопрос, какой вы только могли задать! Они очень мне нравились. И, как видно, понравились кому-то еще, кто и украл их из моей брюссельской квартиры. (После конкурса я жила в Брюсселе). Но медаль уцелела. Мой педагог, приехавший на финал состязания, отвез ее в Австралию и передал моей маме. У мамы она и хранится до сих пор.

Р. S. Сегодня у Джейн Питерс концерт в Париже. Но на втором туре она вновь приступит к своим серьезным обязанностям.

Материалы подготовила Н. ШАДРИНА.

МЕТАМОРФОЗА

кроме всего прочего, я же не одна — мои старшие коллеги помогут мне не ошибиться. В то же время я очень хорошо

понимаю, что это чрезвычайно ответственно — определять чью-то судьбу. К своим обязанностям отношусь весьма

тальности дарования музыканта. Разумеется, для него открываются большие возможности в родной стране.

Меня конкурс заставил еще и задуматься о том, как важно разумно расходовать свои силы. Уже в Москве я была вынуждена обратиться к врачу, потому что перезанималась и повредила руку. И потом целый год мне пришлось лечиться. В юности всегда живешь и все делаешь «на грани». С одной стороны, только самоотверженно и можно играть на конкурсе. Недаром же они-то как раз и проводятся для молодых. С другой, не надо все ставить на карту. Принимать обстоятельства такими, какие они есть, и в них попытаться добиться оптимального результата — вот единствен-

ПИАНИСТЫ. ТУР I

Юбилейный, десятый, скажем прямо, организован совсем неплохо. Есть новшества. Главное (не знаю, кому принадлежит инициатива) в том, что первый этап у пианистов разделен на два подтура, и конкурсанты сначала играют первую половину репертуара, выбранного для этого показа, а затем — вторую, то есть появилась возможность «подпробить» произведенное впечатление. И еще одна «новация»: в жюри — исключительно лауреаты Конкурса Чайковского. Естественно, кому, как не им, так близки все трудности и все радости конкурсной жизни, настроения участников, тревоги, заботы. Потому и подходы у жюри к претендентам — как у старших коллег к младшим.

Это же просто история в лицах! Вспоминаю их, решающих сегодня судьбы молодых, в роли экзаменующихся. Как завоевывал себе право на лауреатство нынешний председатель жюри Лев Власенко. Трудно завоевывал, очень трудно, в конкуренции с «Ванечкой» Клиберном. До сих пор слышу в блистательной интерпретации Льва Николаевича прокофьевскую Токкату...

Помню очаровательную Сюзен Старр, быструю, подвижную, всегда улыбающуюся, а за ролями — сосредоточенную, собранную, даже строгую. Наверное, эта собранность, внутренняя сосредоточенность и помогли ей играть столь виртуозно. Кстати, забавный эпизод из конкурсной жизни Сюзен Старр: перед одним из своих выступлений она, сидя в зале на прослушивании другого конкурсанта, исполнявшего произведение из ее программы, на перилах амфитеатра от ноты до ноты «отыграла» всю пьесу и так увлеклась этим оригинальным «выступлением», что даже не заметила, какое

Октябрь в летнюю пору

любопытство вызвала у окружающих.

Англичанин Джон Лилл и наш Владимир Крайнев — «ноздря в ноздю» шли к финалу IV конкурса и оба стали «золотыми» лауреатами (редчайший случай!), а теперь сидят за одним судейским столом. Их всего одиннадцать (из России, США, Великобритании, Канады, Грузии) — официальных экзаменаторов.

Но еще есть, так сказать, добровольное или «самозванное» жюри — слушатели. Для первого тура публики собирается много (а билеты, между тем, совсем не копейные!), и с каждым днем ее все больше и больше. Интерес явно растет, но снова приходит на ум «подлые» ностальгические выражения — «когда-то», «раньше», «в былые времена», «нет, пока еще того уровня не достигли». После первых двух дней даже, было, заговорили о том, что вот и не получилось соревнования, личностей нет.

Публика же терпеливо выслушивала все, что ей преподносилось. И с каждой ждала открытий, мечтала о встрече с конкурсным чудом. Конкурс двудеин по самой своей сути. С одной стороны — это типичный экзамен по предметам «техническая осведомленность», «владение чувством стиля», «владение жанром» и прочее, прочее, прочее. А с другой — это концерт, выступление на публике, которая подчас помогает, поддерживает, вдохновляет, а то, напротив, тянет на то, чтобы выдумать способы, как ей понравится, заслужит ее симпатии каким-нибудь эффектным «приемчиком».

Этот десятый на моем журналистском веку Конкурс Чайковского твердо убедил, что все недостатки, все ошибки молодых музыкантов каждый раз с удивительной закономерностью повторяются, причем с годами все усугубляясь. Наверное, это легко объяснить: совершенно явственно в искусстве тенденция к «обновлению» классики, к «омолаживанию» старых форм и старых норм (в драматических, оперных постановках это только ни придумывают!). Дошел черед и до «чистой» музыки: невообразимо быстрые темпы в виртуозных пьесах, этюдах, преувеличенные донельзя громкости, броские внешние эффекты.

Откровенно говоря, казалось, не музыканты, а отлаженные (и не шибко здоровые!) игральные механизмы сменяли один другого. Впрочем, попадались и школьники, которые вышли к публике со слабой выученным уроком и попросту путали текст. Такое бывало и раньше — «несчастные случаи», по которым судить об уровне состязания ни в коей мере нельзя.

А вот что, что трудно дается молодым пианистам многоголосье Баха и они усерднейшим образом «заколачивают гвозди» в клавиатуру, выделяя тему даже в трехголосной фуге, — вывлялось со всей очевидностью. Боже мой! Как тяжело пришлось инструментам за эти прошедшие дни от подобного неделикатного обращения!

На нынешнем конкурсе с роялями дело обстоит хорошо: четыре инструмента, на вид роскошных, новых, с легкостью менялись по желанию

конкурсантов. И от первого дня прослушивания только и осталось впечатлений, что выходы, как в спектакле, двух молодых людей (да еще в белых перчатках — это очень элегантно!), подкатывающих рояли и задвигающих их. Однако замечательные свойства этих инструментов проявлялись редко. Редко конкурсанты демонстрировали их «умение» то «петь», то «говорить» глубоким бархатным голосом, то звенеть серебристыми колокольчиками, то звучать, как орган, то заливаясь соловьиной трелью. Да ведь не только от самого рояля это зависит, а еще и от рук пианиста и от его понимания, что есть музыка Баха, а что — Бетховена, от его умения найти тембровые характеристики для Моцарта и для Рахманинова. А уж о Чайковском и говорить не приходится: и нежность его, и глубина, и простота, и проникновенность, лиричность утрачивались подчас в каких-то совершенно «ужих» красках «не из той оперы». В ходу, как всегда, оказалась «Осенняя песня» («Октябрь») из «Времен года», в которой мало нот, но бездна музыки, чувства. За редким исключением, получалась не та «Осень» и не те чувства.

«Не из той оперы», увы, было больше чем «из той». Причем, в данном случае речь идет не о попытке найти оригинальную трактовку, а о стилевом непопадании, «разнобое». Сам по себе поиск, желание найти свои подходы и свои прочтения классики достойны всяческого уважения, если... если это талантливо,

если за этим — фантазия художника, мыслящего образно и не сверхоригинальностью, а талантом доказывающего право на свои решения.

...И вот вдруг среди сухих, «лирических», «правильных», но скучных выступлений прозвучал несколько дерзкий «голос» Тьерри Юйе (Франция). Он все исполнил совершенно по-своему, а «просветившаяся», как вихрь, «На тройке» Чайковского заставила просто вздрогнуть от неожиданности. Да, это действительно личность! Соната Бетховена № 7 в его интерпретации перевернула все представления об этом сочинении. Известное до мельчайшего штриха, оно показало совсем неизвестным — это было чудо из чудес. Какое образное мышление! И какое убедительное, доказательное.

Подобного же плана музыкант — известный, добавлю, «скандально известный», по прошлому Конкурсу Чайковского, Игорь Каменц (Германия). Он тоже незауряден, очень незауряден. Также всегда ищет свой подход, свое решение. И ту же «Тройку» Чайковского он сыграл в «ди-коме» темпе. Однако его эксперимент воспринимался как плод сумбурного мышления, а не художественной фантазии. Странное впечатление произвел он. Публика згрохотала аплодисментами, подозреваю, ослеп-таки скорей «скандальными» (в продолжение спора с жюри), чем восторженными...

Конечно, среди участников конкурса были в эти дни и другие музыканты, достойно представлявшие свои школы: и российскую, и ту же французскую, и японскую; были одаренные пианисты из Италии, Китая. О них — в наших следующих заметках.

М. ИГНАТЬЕВА.